

За неиссякаемое чувство того,
что все возможно — моей матери.

За веру в разумное
и прекрасное — моему отцу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	9
О Едином	10
На пути разума к одиночеству.	12
Часть 1. Дуализм на небе и на земле	59
Радикальный плюрализм	60
Дуализм в общественном сознании: почему сложный концепт Спинозы оказался популярнее простого концепта Декарта	63
Аргумент случайности	100
Аргумент случайности против физикализма. Трагедия, Картезий и прагматизм	103
Из дискуссии с А. В. Марковым	125
Контингентна ли контингентность	125
Часть 2. Вперёд — к свободе!	143
Эволюция свободы.	144
К проблеме эволюции сознания. Мультисубстанциальная эволюция наблюдателя и иерархия модальных логик в каузальном дуализме	160
Логика как онтологическая схема	192
Четверичная логика как логика убеждённости для сильного ИИ.	194
Часть 3. Сознание — это не-информация.	207
По каким принципам работает мозг	208
Гипотеза об информационных принципах произвольного и непроизвольного внимания. К вопросу о теории не-систем и каузальных сред в каузальном дуализме	210

Информационные гипотезы о непроизвольном и произвольном внимании . . .	214
К вопросу классификации каузальных сред . . .	226
Что такое сознание.	239
К вопросу об определении сознания. Сознание как каузальность без передачи информации	242
Свойство сознания формировать надсистему и его динамическое ядро.	257
Сознание как среда	263
О связи различных свойств сознания	269
Часть 4. Долой тиранию Единого	271
Подчинение знаку или творчество?.	272
Понимание знака за пределами пользы и информации. Знак в теории не-систем	272
Онтологический раскол.	285
Что же дальше?	307
Знак как вещь. Токенизация текста	309
Вагонетка и плюралистическая этика	312
О принятии плюрализма и актуальной классификации онтологий	333
Классификация эволюционных онтологий	342
О плюралистической каузальности.	346
Искусственный интеллект. Некоторое замечание о перспективах его изучения.	350
Человек надеющийся (вместо заключения)	355
Финальное замечание	366
Литература	369

Путь к свободе лежит
через одиночество.
Ведь Единое — ничто.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная философия, при всех её достижениях последних лет, рискует впасть в соблазн готовых сюжетов, когда даже самые общие слова, такие как «сознание» или «смысл», обрастают частными ассоциациями. Философии вновь требуется предельная строгость, готовность задавать вопросы до тех пор, пока все эти ассоциации не будут вынесены за скобки. Новая книга Алексея Сафронова — блестящий опыт такой методической выверенности, которая требует правильного распределения ролей только ради того, чтобы высказывание было осмысленным, с какой бы точки зрения или позиции оно ни произносилось.

Автор последовательно разбирается в сущем и должном, возможном и планируемом, необходимом и закономерном, интуитивном и постижимом — во многих других дихотомиях на разных уровнях индивидуального и социального бытия — и проводит неожиданные новые разграничения. Такие дополнительные градации мысли на поверку только и позволяют создать философию, не сводящуюся к отдельным достижениям биологии, психологии и когнитивных наук.

Споря со множеством тезисов старых и новых философов и отвергая любые модели как поспешные конструкции, даже если они создавались неспешными и внимательными исследователями, Сафронов предлагает не какую-то работающую модель мысли или интеллекта, пусть даже со всех сторон обоснованную, но особый способ рассмотрения интеллектуальной жизни как моста между сущим и должным, даже как транспорта между отдельными расчётами и конечной решительностью. Такое рассмотрение оправдывает эту иногда провокационную и бесконечно увлекательную книгу.

*Александр Марков,
профессор РГГУ*

О ЕДИНОМ

Чтобы понять Единое как элемент управления и узаконенного насилия, достаточно представить человека, который не имеет памяти. Просыпаясь, он не помнит ни что было вчера, ни как его зовут, ни то, что взял займы у соседа. Каждый день он начинает с чистого листа, не испытывая зависимости от концепций Единого, которым его обучили в самом детстве.

Мы привыкли жить в мире, где во всём есть какой-то придуманный нами самими единый высший орган. Человеком как будто бы управляет единое сознание, миром — Единый закон всего, народом — единое правительство, а душой — единый Бог. Это так же естественно для нас, как и то, что утром встаёт солнце.

Воспевая песней *Imagine* идеологию братства в коммуне, Джон Леннон в то же время перечислил несколько концепций Единого, которые были придуманы для управления человеком. «Представь, что нет рая, — написал он, — и ада где-то внизу». Тогда не придётся всё время бояться завтрашнего дня. «Представь, что нет стран», а также «религий», и, значит, «не за что будет умирать». «Представь, что нет собственности» — и «не будет злости и зависти».

Единого не существует, в том смысле, что все эти концепции — плод нашей собственной (общества) фантазии, некий конструкт, передаваемый в процессе воспитания, обучения и совместной деятельности. Но при этом оно управляет каждым из нас. И мы, не задумываясь, подчиняемся, так как ведём себя так, будто каждый день мы одни и те же, будто вещи, которые носят название, всегда являются сами собой, будто есть какой-то один закон справедливости, одна норма морали и одна система ценностей.

Это было бы очень удобно. И могло бы оставаться неизменно, если бы человечество не повзрослело и не появилось много тех, кто больше не верит в подобные идеи. А точнее, — тех, кто перерос «веру» как доминирующий способ формирования мировоззрения.

Из плоской клетки Единого скоро разбегутся все трёхмерные животные. Они просто не заметят преград, которые она создаёт. Единое, которое когда-то сделало нас людьми и позволило зайти столь далеко в нашем развитии, больше не помогает. Диалектике больше нечего изучать. Противоположности больше не едины, и они уже не борются друг с другом. Даже отрицание больше не отрицание.

Мы счастливы, и мы несчастны. И всё это одновременно и по одним и тем же причинам. Раньше это что-то значило и из этого можно было бы соорудить на скорую руку какой-нибудь спасительный синтез. Теперь и это больше недоступно. Больше не осталось сил удивляться тому, что синтез возможен всегда и везде. Скрестить друг с другом можно не только всё противоположное, но и всё взаимоисключающее. А это значит, что что-то в такой логике перестало работать. Пришло время попробовать разобраться, правильно ли мы понимаем своё положение.

НА ПУТИ РАЗУМА К ОДИНОЧЕСТВУ

Современный человек больше не может жить убеждениями. Это доброе сказочное время безвозвратно ушло. Пришло время отдать должное нашей природе и принять, что человек продолжает своё развитие, как бы нам ни хотелось это отрицать. Конечно, среди миллиардов людей, населяющих нашу планету, всё ещё много тех, кто способен искренне верить во что бы то ни было: в Будду, теорему Пифагора или естественные неотъемлемые права человека, — но уже давно не они определяют смысловой ландшафт нашего земного общества.

В 1965 году И. Бродский писал:

В деревне Бог живёт не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освещает кровлю и посуду
и честно делит двери пополам.

И добавлял к этому:

Возможность же всё это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.

Наверное, нет более очевидного признака современного нам человека, героя нашего времени, нежели отсутствие твёрдых убеждений. Пусть я атеист, но с симпатией отношусь к тем, кто искренне верит. Я готов видеть счастье наивной веры в других, раз она недоступна мне самому. Твёрдые убеждения для меня — недостижимая благодать.

Хотя точнее было бы сказать, что современный нам человек способен вобрать в себя веру в логически взаимоисключающие вещи. Причём выходит именно так, что чем сильнее вера в одно, тем сильнее вера и в противоположное.

Как будто важно не то, во что именно следует верить, а то, что сама эта способность претерпела серьёзные изменения. И если Сократ говорил: «Я знаю, что ничего не знаю», как бы указывая на безграничность того, что можно познать, то сегодня мы могли бы сказать: «Мы верим в то, что ни во что не верим». И этим мы бы подчеркнули безграничность и широту списка возможных убеждений.

В книге «Отель „У погибшего альпиниста“» А. и Б. Стругацкие вкладывают такие слова в уста одного из своих героев: «Верю ли я в волшебников? — сказал он. — Я верю во всё, что могу себе представить, Петер. В волшебников, в Господа Бога, в дьявола, в привидения... в летающие тарелки... Раз человеческий мозг может всё это вообразить, значит, всё это где-то существует, иначе зачем бы мозгу такая способность?»

Будем ли мы строго судить современного человека? То, что мы считаем отсутствием твёрдых убеждений, может на поверку оказаться, напротив, убеждённостью в слишком многом. Будет ли совсем уж безосновательным заявлять, что убеждённость для современного человека — это что-то наподобие новой формы знания? Что-то вроде: «Мы не знаем ничего наверняка, но можем быть убеждены очень во многом». И важность этой гипотезы никак нельзя недооценивать. Ведь прежде, чем отправить «пациента» на курс терапии, было бы не лишним убедиться, что ему вообще требуется наша «забота» или хотя бы понимание.

Чтобы удостовериться, что наша находка не является случайной и не принадлежит к какой-то иной давно забытой эпохе, найдём в истории земной цивилизации такую отправную точку, когда человек впервые смог осознать и признаться, что его убеждения не отрицают противоположных им. Один из примеров такого взлёта мысли мы находим, несомненно, у немцев. С гордо поднятой головой

смотрел немец в будущее в конце XIX века, но и после, даже несмотря на два поражения в Первой и Второй мировых войнах, несмотря на унижительный раскол государства, репарации и всеобщее заслуженное презрение, немец нашёл в себе силы держать голову столь же высоко, принимая новые ценности и новый порядок, показывая миру пример нового толерантного мышления. Как же ему это удалось?

Германия (хотя и по воле меньшинства) дважды вступала в войну со всем миром, отстаивая свои идеалы (этого меньшинства). Но о каких идеалах идёт речь? И имеет ли это значение? Или важнее, что определённая группа людей считала свои идеалы чем-то неоспоримо важным и единственно верным ценностным ориентиром? В этом смысле война, которую начали немцы, была не лишена сходства с иными войнами, которые начинались на религиозной или иной идеологической почве. Немцев сподвигла к оружию непоколебимая вера в свою правоту и в свои силы, гимном которой стал роман Ф. Ницше «Так говорит Заратустра». И здесь мы совершенно не побоимся заключить, что Ницше стал не просто поэтом идей, из которых выросли эти войны, но и, пожалуй, последним великим мыслителем, который воспел «убеждения» как передовой образ мысли.

Устами Заратустры он сообщил нам: «Вы говорите, что верите в Заратустру? Но что толку в Заратустре! Вы — верующие в меня; но что толку во всех верующих! Вы ещё не искали себя, когда нашли меня. Так поступают все верующие; потому-то всякая вера так мало значит. Теперь я велю вам потерять меня и найти себя; и только когда вы все отречётесь от меня, я вернусь к вам. Поистине, другими глазами, братья мои, я буду тогда искать утерянных мною; другую любовь я буду тогда любить вас»¹.

¹ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. СПб. : Азбука-классика, 2004. 336 с.

Можно сколь угодно упорно искать в Заратустре что-то ещё, какое-то ещё важное содержание, которое в нём, несомненно, есть, полезное само по себе и ценное для устройства своей жизни, но ницшеанский герой — это прежде всего проповедник или апостол того, что мы назвали бы мировоззрением убеждений. Мы бы сказали, что в Заратустре важно не столько то, что он говорит, сколько то, что его слова подразумевают, что можно быть в чём-то действительно убеждённым, и это что-то действительно крайне важно. Заратустра по сути проповедует проповедование. Он пастырь пастырства. Причём он (Ницше) делает это в тот исторический период, когда современный ему человек уже очень сильно изменился и совершенно готов избавиться от оков «убеждённости» как от изношенной донельзя подростковой одежды.

Ещё до Ницше, скажем, в «Герое нашего времени» М. Ю. Лермонтов живописал человека, который холоден к любой горячей убеждённости. Скептическое умонастроение крепнущего человеческого сознания, отражённое в байроновском герое вообще, не могло миновать внимания Ницше, который поэтому не стал предлагать своему читателю для верования какой-то наивный образ или сомнительную идею. Ницше атаковал последний рубеж убеждённости, а именно веру в самого себя. Он разыграл тем самым последнюю карту того, во что только способен верить человек. И последней религией, которая привела к религиозным войнам на нашей планете, стала, таким образом, религия веры в себя.

Но что из этого вышло? Оказалось, что любые самые крепкие убеждения, способные сдвигать горы, в то же время часто оказываются недостаточно идеальными. Человеческая вера в себя, выше которой для сознания ничего быть не может, оказалась тоже безграничной. Вышло так, что

на алтарь этой веры не может быть положено в общем-то ничто. Человек просто не может доверять себя своей собственной идеологии, так как не способен породить такую идеологию, которая была бы достаточно идеальна. А это значит, что любая сильная убежденность изначально обречена на крах.

Сколько душевных сил потребовалось Ницше, чтобы создать идеологию веры в себя, но эти силы ничтожны по сравнению с теми, которые потребовались К. Ясперсу, чтобы признать эту идеологию ложной, а точнее, не единственно заслуживающей внимания, и сказать, не опуская высоко поднятой головы: «Мы виновны, мы не правы». И вот что удивительно, Ясперсу удалось научить немца быть правым именно таким образом, что он неправ, и быть честным в своей виновности.

Вот что пишет Ясперс после второго поражения Германии. В его тяжёлых и судьбоносных словах сквозят идеи нового мышления. То, что он предлагает как тип мышления, есть отказ от убежденности как от господствующей формы духовности: «Давайте попробуем мысленно становиться на точку зрения другого»², — пишет он с нескрываемой скорбью, но не теряя и достоинства.

И добавляет: «Мы должны вновь обрести готовность к размышлению. Для этого нам нужно не опьянять себя чувством гордости, отчаяния, возмущения, упрямства, мести, презрения, а заморозить эти чувства и посмотреть, как обстоит дело в действительности»³.

Иными словами, действительность, по Ясперсу, фактически не может быть частью наших убеждений. Или, по крайней мере, каких-то одних убеждений. Чтобы увидеть

² Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999. С. 6.

³ Там же. С. 7.

действительность, он предлагает стать на точку зрения «другого», чтобы обогатить свой взгляд на вещи ещё и чужим взглядом. И если закон, принятый в государстве, велит нам идти против совести, то следует противостоять такому закону и такому государству: «...мы сначала люди, а потом немцы»⁴, — пишет он.

Уже ученица великого немецкого экзистенциалиста Ханна Арендт решила развернуть философскую «машину» против идеи государственного насилия вообще. В поведении немцев (правлящей партии и их вынужденных сторонников) она увидела очень много того, что возникает на почве любой сильной идеологии в принципе.

Описывая один из послевоенных судебных процессов, она пишет:

«Контраст между израильским героизмом и покорностью, с которой евреи шли на смерть — вовремя являлись на сборные пункты, своими ногами шли туда, где их должны были казнить, сами рыли себе могилы, самостоятельно раздевались и складывали снятую одежду аккуратными стопочками, а затем ложились бок о бок, ожидая выстрела, — казался вопросом весьма деликатным, и прокурор, непрерывно терзавший свидетелей — одного за другим, — „Почему вы не протестовали?“ „Почему вы сели в этот поезд?“ „Пятнадцать тысяч человек охраняли всего сто вооружённых охранников, так почему же вы не восстали и не попытались на них напасть?“ — постарался извлечь из него максимальную пользу. Но печальная правда заключается в том, что таким вопросом задаваться вообще не стоило, поскольку и другие люди — вовсе не евреи — вели себя так же»⁵.

⁴ Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М. : Прогресс, 1999. С. 16.

⁵ Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / пер. с англ. С. Кастальского и Н. Рудницкой ; послесл. Э. Зуроффа. М. : Европа, 2008. 424 с.

Если читать Арендт, не закрывая глаза на истинный смысл её слов, можно уловить, что она стремится изобличить не немецких фашистов как таковых (тем более что судили здесь фашиста-еврея), а идею тоталитаризма, и более того, идею слепой силы всякого могущественного государства. Ведь такое государство, будь то Вавилон или Рим, и вообще любое государство на нашей планете творит банальное зло просто потому, что насилие является частью всякого государственного устройства. И особенно того государства, которое живёт сильными идеологическими принципами. И говоря «сильными», мы имеем в виду такие принципы, которыми просто нельзя поступиться ради какого-то, пусть и невеликого, блага.

Но отвлечёмся немного от современного человека. И обратимся к историческому периоду, когда убеждённость только возникла как форма мышления и духовности. Ведь это поможет нам разобраться в себе сегодняшних. И здесь, конечно, следует отличать зрелую сознательную убеждённость от слепого фанатизма. Но как это произошло? Как возник институт зрелой убеждённости?

Ведь древний человек знал, а не был убеждён. Если он верил в божество или в удачу правителя, то он верил не так, как мы сегодня. Он верил в том смысле, в каком мы сегодня знаем. Он знал божество и знал, что правитель обладает удачей. Но однажды это перестало быть возможно, так как возникло сомнение, что одно знание может быть само по себе важнее другого. Знаний стало много, и они вступили в противоречие друг с другом. Убеждением поэтому мы назовём вовсе не то, когда кто-то знает только одно. Зрелое убеждение подразумевает знание многого, но выбор в пользу одного. Хотя, как увидим дальше, и этого недостаточно.

Когда же зародились убеждения? Это случилось не в один день, но мы можем постараться найти в истории

человечества тот удивительный момент, когда человек впервые отдал свою жизнь за убеждения. И первым тут был не Иисус Христос, хотя ассоциация здесь нам кажется вполне допустимой. Первым убеждения выше знаний поставил Сократ, открывая европейской цивилизации удивительный образец веры. Он принял смертную казнь за преступление, которое не считал преступлением, но не пошёл против законов своего государства, полагая следование правилам важной основой человеческого общежития. Отбросив лишнее, можно сказать, что он совершил самоубийство ради своих убеждений.

Пример с Сократом был специально исследован далее в нашей книге, поэтому здесь мы хотим остановиться на нём не слишком подробно, однако следует поставить засечку и объявить: Сократ был первым человеком убеждённым в нашей истории. То есть не просто человеком разумным, умелым, волевым или знающим. При этом, как было сказано, стало бы грубой ошибкой считать, что древнегреческий философ был здесь подобен фанатику, отдающему жизнь за ценности секты, ненаучные предрассудки и заблуждения. Сократ, в отличие от фанатика, не знающего ничего, кроме одной догмы, одновременно занял две позиции: он допускал и то, что ему следовало бы жить, но и был убеждён рационально в необходимости казни, что аргументировал, со слов Платона, в диалоге «Федон».

Сократ научил людей новому формату мышления, который заключается в том, что, помимо частной истины, есть ещё и системы истин, то есть убеждения. Недостаточно смотреть на какую-то истину саму по себе, но важно понимать её место в системе истин. Более того, истины могут противоречить друг другу, но это вовсе не означает, что они исключают друг друга.